

Глава первая

Снаружи все Комки разные, и все похожи друг на друга. Будто взяли огромную кучу серой липкой массы и уронили на землю с высоты. Ну, в общем-то так оно и было... Масса немного расплескалась, немного оплыла — да так и застыла большим, с двухэтажный коттедж, комком. Родители говорят, что в старину и обычные магазины порой называли Комками, но, по-моему, тут дело во внешнем виде.

Этот Комок был самый ближний к дому. Я прошел по Большой Никитской. Место людное, раза три я встретил гуляющие компании (все знакомые, с кисловскими ребятами я перетер о делах), попались и несколько серчеров-одиночек в зеркальных очках. Несколько раз мимо проезжали машины, в основном государственные, но одна точно личная — тяжелая, бронированная, с темными стеклами. Одно стекло было опущено, из щели с явным неодобрением взирал на мир серьезный толстомордый мужчина. Потом свернул на Леонтьевский. Тут почти никого не было, только в скверике, где стоял обросший паутиной памятник какому-то восточному человеку, рылся в кустах старый сумасшедший бомж в разбитых зеркалках. Правая линза вообще отсутствовала, левая потрескалась — что он собирался так найти, непонятно.

Никаких окон в Комке нет, есть только дверь, с виду самая обычная: широкая, деревянная, с ручкой. И замков никаких. Но если ты пришел пустым, то тебе откроют лишь один раз, чтобы своими глазами всё увидел...

Там, где Комок шлепнулся после Перемены, между Леонтьевским и Вознесенским, стояло здание, которое разме-

тало в разные стороны. Большую часть мусора убрали, но следы все равно остались. Я однажды тут подобрал здоровенную трезубую вилку, которой переворачивал мясо на гриле.

Небо сделалось уже красно-серым, лунное кольцо мерцало закатным светом. Где-то часа через полтора совсем стемнеет, надо спешить. Вечер — время спокойное, а вот ночью болтаться по улицам я не любил, не дурак же.

Я толкнул дверь, та легко открылась, — и вошел в Комок. Тут было светло, самую малость прохладно и малоллюдно. По ту сторону длинного полукруглого прилавка вообще никого не оказалось, склад был закрыт задернутой наглухо шторой, а с моей стороны стояли две девицы из Гнезда — мелкая куколка лет десяти и постарше, лет двадцати, жница. Ждали заказ, понятное дело. Гнездо наше, с Гнездниковского переулочка, не самое большое в Москве, но здание занимало серьезное, бывшее Министерство культуры. Представляете? Раньше было специальное учреждение, которое занималось песнями, фильмами и прочими книжками!

До Гнезда недалеко, всего-то метров сто, и если расслабиться, то начинаешь ощущать легкую неуютность.

Подойдя к прилавку, я встал рядом с мелкой. Та уставилась на меня наглыми глазами. Куколки — они с виду обычные девчонки или мальчишки, даже одеваются так же, только им все равно, что на себя нацепить. Но эта была приметная: рыжая, растрепанная, зеленоглазая, в кроксах, синих мальчишеских бермудах и грязной белой футболке на пару размеров больше, чем требовалось. На футболке в ряд нарисованы звезда, круг, квадрат и треугольник. А так — девчонка как девчонка.

Вот у жницы, у нее и движения другие, и радужка цвет меняет на сиреневый, и кожа будто скользкая делается, и одежда уже своя, облегающая, из крошечных черных чешуек, вроде как цельный комбинезон, на ступнях утолщающийся в мягкие туфли. Стригутся они все коротко, но волосы у них с виду обычные. Эту я раньше вроде не встречал, хотя в лице что-то знакомое было.

Я снова глянул на мелкую, пытаюсь понять, почему четыре безобидных геометрических знака на футболке выглядят слегка вызывающе.

— Че уставился на мои сиськи, изврат? — дерзко спросила куколка.

— Как я могу на них уставиться без микроскопа? — презрительно ответил я.

— Точно, — фыркнула она. — Ты без лупы рэдку под носом не увидишь.

— Это я сейчас ослеп, — любезно ответил я. — Как тебя увидел.

Куколка замялась, пытаюсь решить, оскорбление это или комплимент. Жница глянула на меня неодобрительно. Я подмигнул ей. Сказал куколке:

— Ладно, привет, Наська. Как ты?

— Норм, — сказала она, с облегчением прекращая пикировку. — А ты, Максим?

— Живу, — ответил я, пожав плечами. Ну а что тут еще ответишь?

Куколку звали Анастасия, но она упорно называла себя Наськой. А вот меня почти все звали Максом, но она так же упорно называла Максимом. Наверное, чтобы позлить.

— Знаешь его? — спросила жница девочку.

— Местный, — призналась Наська. — Норм. Часто тут бывает.

Наська обожала ходить в Комок. С кем я ее только не встречал! Пару раз со стражами. Однажды сюда приперся монах с двумя старшими стражами — так и тут она вертелась под ногами.

— Хороший серчер? — поинтересовалась жница.

— Норм, — сказала Наська, что было максимальным одобрением с ее стороны.

Жница посмотрела на меня, нахмурилась. Мимика у нее оставалась еще совсем человеческой. Кажется, тоже вспоминала, где меня видела.

— Дарина, — сказала она.

— Максим, — ответил я. — Или просто Макс.

Общительная жница — редкость, это куколки любят поболтать.

Кажется, она хотела что-то у меня спросить, но тут появился Продавец. Вышел, кляца по полу, раздвигая шторы спиной, и бухнул на стол тяжелый пластиковый ящик. Кивнул мне и сказал Дарине:

— Три иницирующие дозы первой фазы.

Ясно-понятно. Гнездо приняло к себе трех детишек. Я с любопытством смотрел на Продавца, который открыл ящик и демонстрировал поочередно три металлических термоса. Продавец был здоровенный, поперек себя шире, закутанный в многослойную бурую хламиду, закрывающую и голову, и большую часть лица. То, что удавалось рассмотреть, походило на человека, но каков он на самом деле, я не знал.

Наверное, все-таки не совсем человек. Иначе бы не цокал так ногами по полу при ходьбе.

— Одна финальная доза первой фазы... — продолжил Продавец.

— Это моя, — с гордостью сказала Наська.

— Поздравляю, — буркнул Продавец. — Одна усиливающая доза второй фазы.

— А это Дарины, — сообщила куколка.

Теперь понятно. Дарина до сих пор на начальном этапе, потому и разговорчивая.

Значит, жницей не останется. Пойдет на третью фазу. Станет стражей, а то и кем покруче.

— Поздравляю, — сказал я. — В стражу?

Жница не ответила. Зато Наська возмущенно воскликнула:

— А шоколадка?

— От сладкого зубы портятся, — отрезала Дарина.

— Не успеют! — Наська продемонстрировала белозубую улыбку. — Ну Да-а-арина...

— Заказ оплачен Гнездом, у меня денег нет... с собой, — неохотно сказала Дарина.

Я запустил руку в карман джинсов, где всегда держу немножко мелочи. Достал вайкр, мелкий, но симметричный, положил на прилавок.

— Дайте девочке шоколадку.

Продавец протянул руку, тоже скрытую под складками ткани, ловко взял пальцами в черных перчатках вайкр. Поднес к лицу, изучая. Кивнул:

— Достойный экземпляр. Хватит на две хорошие шоколадки.

— Тогда и уважаемой жнице — тоже.

Дарина фыркнула, но отказываться не стала. Девчонки все любят шоколад, даже если они уже не совсем люди.

Продавец нырнул за занавес. Дарина помолчала и сказала:

— Спасибо, Максим.

— Да не за что. — Я не удержался и спросил: — Слушай, тебе сколько?

— Лет?

— Ага.

— Восемнадцать.

Я задумался.

— Гадаешь, где меня видел? — спросила Дарина.

— Точно.

— Мы в одной школе учились.

— Чего? — поразился я.

— Ты же в сто десятой учился?

— Por supuesto.

— Когда всё началось, ты в одиннадцатом был?

Я кивнул.

— А я в третьем. — Дарина провела рукой над головой Наськи, демонстрируя рост.

Конечно, я ее не помнил. Удивительно, что она запомнила!

— Ты с моим братом учился в одном классе, — пояснила Дарина. — Ростислав.

— Ростик? — поразился я. Мы были не то чтобы друзья, но приятели. И дома у него я пару раз бывал... — Извини, не узнал. Ты немного подросла.

Дарина улыбнулась, чуть неуклюже, будто давно этого не делала.

— Да брось, с чего бы ты запомнил...

— Как Ростик? — спросил я.

И осекся, потому что вспомнил.

— Наш дом сгорел, — сказала Дарина. — Все умерли. Меня папа выбросил из окна, — она помедлила. — Хотел на дерево, но недокинул. Я вся поломалась. Лежала полгода в больнице, сказали, что ходить никогда не буду. Собирались выписать в приют. А тут как раз наше Гнездо появилось, мы тогда брали всех. В больницу пришли, я сразу согласилась.

— И как... теперь? — глупо спросил я.

— Поправилась, — ответила она серьезно. — Но не сразу.

Вернулся Продавец, торжественно неся в руках две шоколадки. Действительно хорошие — «Вдохновение». Наська сразу схватила и стала потрошить свою, а Дарина опустила подарок куда-то в незаметный карман на комбинезоне. Я подумал, что вторая шоколадка, наверное, тоже достанется куколке.

— Рад был увидеться. — Ситуация сложилась такая неловкая, что я начал мямлить, будто школьник: — Заходи, если что. Я в Медвежьем, дом три, как и раньше. Только не с родителями живу, конечно.

Дарина улыбнулась. Теперь у нее получилось лучше.

— Спасибо. Если что... Было приятно встретиться.

— Ты была в него влюблена? — не прекращая жевать шоколад, воскликнула Наська. — Точно, да? Он ведь друг твоего брата! У тебя была детская влюбленность в почти взрослого парня!

— Вот же балаболка, — вздохнула Дарина. — Пока, Максим.

Она подхватила ящик с мутагенами, легко поставила себе на плечо. Жницы — не стражи, конечно. Но тоже куда сильнее человека.

Я мялся у прилавка, пока куколка со жницей не вышли. Продавец терпеливо ждал. Когда дверь закрылась, торжественно произнес:

— Какая красивая история! Мне кажется, молодой человек, она могла бы стать очень романтической. Но финал второй фазы...

— Мне кило картошки, — попросил я, останавливая его болтовню. Тоже мне, романтик. Какая романтика между человеком и жницей?

— А вы любите красивую жизнь, — сказал Продавец одобрительно. — И правильно делаете, Максим! Что еще?

— Десяток яиц, — сказал я. — Бутылку подсолнечного масла, пачку сливочного. Пакет муки, на два кило. Пачку спагетти, самых обыкновенных. Пачку сигарет, простых каких-нибудь. И тушенку, как обычно. Три банки.

Продавец ждал.

— Да, еще кусок туалетного мыла, кусок хозяйственного. И туалетную бумагу, упаковку на четыре рулона. Всё.

— Полагаю, что нужен хороший голубой кристалл, — решил Продавец. — Или посредственный зеленый.

Кристаллы получше у меня хранились в пакетике, в нагрудном кармане рубашки. Поскольку никого, кроме Продавца, в Комке не было, я достал весь пакетик и выбрал из десятка разноцветных кристалликов плохонький зеленый — пятиугольный, с небольшой синей мутью внутри.

Продавец со скепсисом посмотрел на него, даже поднял вверх, проверяя на свет. Потолок в Комке был бугристый и весь светился, где ярче, а где тусклее.

— Пожалуй, я могу досыпать немного рационов, — сказал он. — И добавить банку пива.

Такой щедрости я не ожидал, но отказываться, конечно, не стал.

— Согласен.

Государственные деньги в Комках никого не интересовали. На них тоже можно купить и еду, и одежду, и вообще всё, что делают люди. Вот только качество будет хуже, даже мука паршивая. И цена такая, что если ты удачливый серчер, то игра не стоит свеч.

Продавец оказался столь любезен (наверное, его и впрямь растрогала наша с Дариной встреча), что упаковал всё в прочный бумажный пакет. Рационов накидал не меньше десятка, да и банку пива добавил большую, пол-литровую. Сигареты я сразу достал и спрятал в карман. Они были незнакомые, но мне-то какая разница.

Я вышел на улицу (ого, как стемнело-то уже!) и быстро двинулся по переулку. Давешний бомж по-прежнему пасся

в сквере, ползая по траве на карачках и подсвечивая себе тусклым фонариком. Оптимист!

Или что-то знает?

Свернув, я подошел к бомжу.

Старик быстро уселся на корточки. Был он весь заросший, бородатый, в нескольких слоях одежды, из-под куртки торчал грязный свитер, из-под свитера свисали полы рубашки, а на плечи бомж еще и одеяло набросил.

В такой позе он карикатурно напоминал обросший паутиной памятник за спиной. Всё собираюсь посмотреть, кому он на самом деле.

— Добрый вечер, — сказал я, стараясь не особенно приближаться. От бомжа предсказуемо пахло бомжом. — Удачная охота?

Вопрос был рискованный. Выживший из ума старикан мог решить, что я хочу поживиться его лутом, и... А что «и»?

Ну, к примеру, начнет кидаться кашками.

— Весьма неудачная, добрый юноша, — неожиданно вежливо ответил бомж. — К сожалению, мои очки не в лучшем состоянии. Я потерял правое стекло в прискорбном конфликте за более интересные места охоты, а левое треснуло при обстоятельствах анекдотического свойства. Но печальнее всего, что батарейка в фонарике садится, а у меня нет даже ломаного вайкра.

Есть такой тип бомжей. Вроде как всё на свете пропили, включая мозги, но при малейшей возможности начинают изъясняться витиевато и вежливо.

— Боюсь, тут и нет ничего, — сказал я. Достал свои очки, аккуратно надел одной рукой.

Мир чуть-чуть потемнел и стал контрастнее. Фонарь у Комка разбросал в стороны радужные линии. Стекла у поисковых зеркалок поляризованные, но главное не в том. Обычные поляроиды не годятся, проверено миллионы раз. Нужна какая-то специальная обработка, напыление особого полимера... в общем — стекла можно купить лишь в Комке. За кристаллы. А найти кристалл без очков безумно трудно. Замкнутый круг получается.

Может, у бомжа вообще обычные линзы?

Мои стекла были вставлены в хорошую оправу, к тому же с интегрированным фонариком на дужке. Коснувшись кнопки, я вызвал узкий яркий пучок света. Подкрутил безель, расширяя луч.

Я повертел головой, честно пытаюсь увидеть хотя бы слабенький фиолетовый отблеск среди травы. Подошел к скамейкам, заглянул в урны (ворошить мусор, конечно, не стал). Нет, пусто.

— Никоим образом не прошу вас оказать мне финансовую помощь, — сказал бомж. — Но, если вы внимательно оглядите это место и гарантируете, что оно пусто, я сменю дислокацию.

Подавать ему я и не собирался. Можете считать меня жадным и бессердечным, но я же знаю, что любой вайкр этот старик пустит на бухло и закуску, а не на подержанное стекло и новую батарейку. Всегда есть люди, которым еще хуже, но они своей беды не заслужили и помощь не пропыют.

А вот посмотреть... почему бы и нет?

Я обошел памятник, поворошил кое-где траву ногой. Сказал:

— Боюсь, вам и впрямь стоит менять дислокацию.

— Посмотрите еще там, за скамейкой, — попросил бомж. — Нутром чую, должно что-то быть.

Уже жалея, что отвлекся, я обошел скамейку. Трава там была вытоптана, на земле стояло несколько пустых пивных банок и бутылка из-под дешевого игристого. В стороне валялся использованный презерватив.

Я поморщился. Похоже, совсем недавно какая-то парочка утоляла тут подстегнутую алкоголем страсть.

— Нет тут ничего... — опуская голову, сказал я. — ...Полезного.

Под ногами тускло искрились две крошечные зеленые звездочки.

— Что ж, удача мне сегодня изменила, — изрек бомж, вставая. — Желаю вам удачной охоты, уважаемый серчер...

— Эй... — позвал я. — Иди... идите сюда.

Я отступил на пару шагов, когда бомж торопливо приковылял к скамейке.

— Пиво я уже допил, — разочарованно сказал он, водя хилым лучиком света.

— Вон там, — указал я, нацеливая фонарик.

Каким бы треснутым стекло в зеркалках бомжа ни было, но все-таки оно оказалось настоящим. Бомж присел, порылся в земле. Выпрямился, изучая добычу.

Любопытство пересилило, я подошел ближе.

Верно, два зеленых кристаллика, то есть два гринка.

Кристаллики были маленькие, неправильной формы. Но все-таки зеленые.

— Берите, берите! — Бомж протянул мне гринк. — Мне вполне хватит одной зеленушки на новое стекло, пару батареек и бутылку приличной выпивки. А иначе я выпью слишком много и скончаюсь!

Он наставительно поднял трясущийся палец и добавил:

— Какой-нибудь друг неизбежен везде, но лучший — когда он помощник в труде! Ваша доля, честный и благородный юноша!

И что вы думаете, я сделал?

Конечно же, взял кристалл, хоть и оттирал потом всю дорожку и его, и руку санитайзером.

Зеленый кристалл — это зеленый кристалл.